

DOI: DOI: 10.24411/2470-1262-2020-10077

УДК (UDC) 81.139

Jan Gallo,

Constantine the Philosopher University,

Nitra, Slovak republic

For citation: Gallo Jan, (2020).

On the Issue of Communication Sphere of Everyday

Spoken Dialogues (On the Material of Contemporary Slovak Language).

Cross-Cultural Studies: Education and Science

Vol. 5 Issue 2 (2020), pp. 59-66 (in USA)

Manuscript received:/02/04/2020.

Accepted for publication:/15/06/2020.

The author have read and approved the final manuscript.

CC BY 4.0

**К ВОПРОСУ О СФЕРЕ ОБЩЕНИЯ В
ПОВСЕДНЕВНЫХ УСТНЫХ ДИАЛОГАХ
(НА МАТЕРИАЛЕ СОВРЕМЕННОГО СЛОВАЦКОГО ЯЗЫКА)**

**ON ISSUE OF COMMUNICATION SPHERE
IN EVERYDAY SPOKEN DIALOGS
(ON THE MATERIAL OF CONTEMPORARY SLOVAK LANGUAGE)**

Abstract:

The article is devoted to the issue of the communication sphere of everyday spoken dialogs based on the material of the contemporary Slovak language. In the introduction there is discussed the general characteristic features of everyday communication taking into account the places of utilisation and perspective orientation to the micro-situations of everyday life, especially to dialogs focused on the parallel I – YOU, HERE, NOW. The most widespread aims of participants' everyday communication are given in the next part. The predominant characters of oral speech is presented as well. In the main part, based on the several research methods (observation, description, analysis, interpretation), there are given the selected lexical and syntactic means of expressing everyday oral dialogs in the Slovak language environment. In conclusion there is a summary of investigated problems.

Keywords: communicate, communication, communication act, communication sphere, everyday communication, everyday oral dialog, conversational syntax, oral speech

Введение

Повседневное общение происходит, главным образом, в социальных сферах, таких как семья, досуг (дружеские посиделки и встречи соседей, развлечения, развлекательные мероприятия), а также работа или образование (разговоры студентов о занятиях, диалоги экспертов о рабочих проблемах на обеденных перерывах). В других социальных сферах (например, наука, культура, политика, религия и др.) также существуют ситуации общения, в которых происходят неформальные, практически направленные разговоры. Целью общения в этих ситуациях является, по мнению Я. Гомолача и К. Мразковой [3, с. 8] «объясняться и встречаться ежедневно». Перспектива повседневной жизни означает ориентацию на микроситуации повседневной жизни, особенно на диалоги, сосредоточенные на параллели Я – ТЫ, ЗДЕСЬ, СЕЙЧАС. На языковую реальность повседневной жизни обратили внимание философы и социологи языка (главным образом представители «ordinary language philosophy» Витгенштейн [13]; Остин [1]) и, следовательно, создатели анализа разговоров.

Теория

Повседневное неофициальное общение, в первую очередь, является частным – независимо от того, происходит ли оно в частной обстановке (дома среди членов семьи, в офисе между ближайшими сотрудниками) или в общественных местах (между пассажирами в транспортном средстве, между сидящими в ресторане). Цели могут быть разные. Часто разные участники преследуют разные цели, общение ведёт к нескольким целям одновременно. К наиболее распространённым целям согласно Я. Гоффманновой принадлежат:

- а) «информировать кого-либо о чём-либо, соответственно. получение информации (главным образом о повседневных, ежедневных фактах);
- б) обмениваться мнениями по конкретной проблеме;
- в) давать партнёру/партнёрам определённые указания, инструкции (скорее практические, а не профессионально направленные; например, родители – детям);
- г) «выражать своё отношение» [3, с. 30].

Я. Гоффманнова выделяет ещё одну особую цель – это

д) установление контакта с кем-либо; поддерживать, развивать установленные контакты [там же, с. 30 – 31]. Для некоторых может быть важным выполнение «только» этой цели, т. е., например, установление контакта. Главным образом одинокие пожилые люди пытаются вступать в контакт с людьми, совершенно неизвестными, например, обратиться к попутчику в транспортном средстве, к покупателю в магазине. С целью контакта большинство из вышеперечисленных целей могут перекрываться, комбинироваться, подчиняться или даже его превосходить. Когда мы принимаем участие в дружеских посиделках, встречаемся с одноклассниками, отмечаем вечеринку с коллегами, мы также делимся информацией и инструкциями. В любом случае, мы обмениваемся мнениями (по различным темам, таким как текущие политические новости, культурные, спортивные, развлекательные мероприятия и т. д.). Иерархия и пропорциональное представление отдельных целей могут быть разными,

но развитие взаимоотношений и социальных контактов очень важно в этом типе взаимодействия (интеракции).

Таким образом, в сфере повседневного общения преобладает неподготовленная устная речь, спонтанная, эмоциональная, мало стандартизированная и недостаточно контролируемая, для которой характерна фамильярность (конфиденциальность). Устная речь относится в основном к непубличным ситуациям. Выражения в этой сфере могут сочетаться с неформальностью, неформальной речью, которую П. Трост характеризует ограниченным лексическим кодом, эллиптической краткостью, небрежным произношением [1995 (1981), с. 316]. П. Мареш характеризует неформальность как «непредписанность, несвязанность правилами, расслабленность, непринужденность и спонтанность высказывания [...], вызывает признак близости и конфиденциальности [...]» [6, с. 100]. Этому представлению, кажется, соответствует подавляющее большинство коммуникантов из сферы повседневного общения, в то время как формальность в смысле «сохранения устойчивых речевых конвенций и текстовых моделей» отражается в этой сфере лишь в ограниченной степени в некоторых разговорных и институциональных ситуациях, но и там конвенции и модели серьезно нарушаются.

Данные

На стиль коммуникации в сфере повседневного общения влияет большое количество факторов, которые входят в различные констелляции, где их взаимодействие и их классификация по степени серьезности могут быть по-разному профилированы. Мы попытаемся проиллюстрировать это разнообразие ниже, продемонстрировав некоторые конкретные лексические и синтаксические способы выражения.

Методы.

Основу исследования составляют избранные лексические и синтаксические средства выражения повседневных устных диалогов в словацкой языковой среде. Языковые средства рассматриваются как функционирующая, динамическая и развивающаяся система.

Методологической основой исследования является коммуникативно-семиотический подход.

В качестве основных методов исследования были применены: метод лингвистического наблюдения, метод лингвистического описания, аналитический метод и метод интерпретации.

Полученные результаты. Для словообразования в сфере повседневного общения характерны процессы аббревиации и универбизации (аббревиатуры и сокращенные слова), напр, *SMS-ka, narodky, depka, info, dopo, stretko, fitko, samoška*; далее использование признаков суффиксов, таких как *-ák (Blavák, vodičák, sympaták, obchodák, toaleták, baleťák, techničák, závislák)*, *-áč (alkáč, telkáč)*, *-ka (prezenčka, zmrzka, posilka, profka)*, *-oš (homoš, bifľoš, slintoš)* и др. При помощи этих суффиксов образуются и некоторые профессионализмы

(*diplomovka, nosovka, zubár, očiar, motorkár, brankár*). Суффикс *-ča* широко используется у гипокористиков или фамильярных форм женских родных имён (*Renča*), но также и мужских (*Janko, Tónko, Kubko...*). И как лавина распространяется использование уменьшительных имён, которые, вероятно, являются одним из индикаторов изменений в стиле современной коммуникации, как публичной, так и непубличной. Даже в разговорах между участниками, которые не знают друг друга, также увеличивается фамильярность, симулятивная конфиденциальность. Медсестра в амбулатории сообщит пациенту *Vezmem Vám krvičku*; продавщица в продуктовом магазине на вопрос покупателя *Aký máte chlebičik?* ответит *Tento je dobručký a mákkučký...*; официант в ресторане нам предлагает *menúčko*, он приносит *polievočku, pivečko*; пиццу можно попробовать *so šunčičkou* или *salámkom*; звезды шоу-бизнеса в телепередачах всегда желают своим зрителям *šťastíčko, zdravíčko*, напр. *Majte veľa šťastíčka a dajte do hry veľa srdiečka*. Деловой партнёр просит нас *zapísmenkovat'* или *písnuť správičku* и задаёт нам не одну *otázočku*, но также и *requestik*.

Согласно Й. Мистрику [7] словарный запас в сфере повседневного общения беднее, чем в других сферах – скорее неточное, приблизительное выражение основано на словах с большим диапазоном и небольшим содержанием (гиперонимы – напр. *pes, ovocie*; описательные выражения, напр. *brať na lízing*; синекдохи типа целое → часть, напр. *celé mesto bolo na pohách*) и много полисемических слов. Конкретные выражения преобладают над абстрактными, характерна также сжатость (сокращённые слова, напр. *SLUK, UFO*; универбизация, напр. *stiedačka = striedacia lavica; minerálka = minerálna voda; lieskovce = lieskové orechy; diplomovka = diplomová práca; panelák = panelový dom*; побочные метонимии, напр. *Je to lazár; To je ale talian; Ty si taký indián*) и экспрессивность (междометия, напр. *ach, joj, fuj ejha, fíha*; частицы, напр. *bodajby, nože, ved', kiež*; деминутивы, напр. *božtek, srdiečko, pusinka, uško*; гипокористики, напр. *miláčik, mamka, ocinko, tatinko, holúbok, zlatičko, zlatinko, zlatko, babenka, babina*; пейоративы, напр. *gamba, ožrat' sa, ohava, bordel*; аугментативы, напр. *chlapisko, kocúrisko, psisko, domisko, širokársky*; вульгаризмы, напр. *sviňa, čurák, gule, sople', grcať*), с помощью которых мы, естественно, выходим за рамки литературного языка (и жаргонные выражения, напр. *diro, trapas, péčéčko, napálit' = uložiť na disk* и т. д.). Часто употребляемыми являются также интенсификаторы, такие как *desný/desne, strašný/strašne, hrozný/hrozne, úžasný/úžasne*. Мы также можем привести примеры детских слов, таких как *rapať, bumbať, hačať, hajať* и др. К коллоквиализмам (разговорным выражениям), напр. *esbéeskár, mimovládka, neziskovka, daňovák* принадлежит и несколько фразем (напр. *Daj si bacha; Neobráť dom hore nohami; Nestojí ani za fajku tabaku; Nestojí ani za babku; Vezmi rozum do hrsti*). Лексический и словообразующий слой характеризуются высокой динамикой, возникают также многочисленные неологизмы (напр. *cederom; ikona = популярный персонаж, символ определенного художественного направления; esemeska, čip, četovať, lajkovať, hejtovať, vugúgliť*) и окказионализмы (например, *dobrotár = место на кухне, где хранятся сладости; zeterád = фонтан; kolodomky = тапочки, которые носят около дома; veľkoposovať = провести Пасху; vianosovať = провести Рождество*). В настоящее время иноязычные заимствования поступают в основном из английского (напр. *influencer, blogger, burger, selfie, negociácia, outfit*), а слой германизмов (напр. *fald, kasárne*) отходит на второй план. Это развитие особенно очевидно среди молодых пользователей словацкого языка,

которые заимствуют из английского языка выражения действительно «ежедневные», такие как *wow*, *oops* [ср. на чешском языке также б].

Для сферы повседневного общения является характерным разговорный синтаксис [8], т. е. простые конструкции; свободное, ассоциативное, бессоюзное связывание предложений в цепи (координация, напр. *Jožo prišiel, otvoril okno a prechladol*; паратаксис, напр. *Vrátil sa domov a dal si večeru*, – только минимально гипотаксис: *если – так (ak – tak)*, напр. *Ak nebudeš poslúchať, tak ti zastavím vreckové*); нечёткие границы высказываний, образующих единое целое и смещение образцов предложений (потеря синтаксической перспективы), напр. *Hovorila pokojne, múdro, bez hnevu, akoby s odstupom, ale v jej očiach som stále videl nástojčivú obavu, čo sa to ešte niekedy nezopakuje*; соединение, напр. *Kúpili si nové auto a bola to dobrá kúpa*; присоединение, напр. *To by si nevydržal – v takom teple*; *O tom som už počul, o tých kurzoch*; пополнение, напр. *Je to obvodný úrad tá biela budova*; вставка, напр. *Avšak – ruku na srdce – to dá ešte veľa práce*; эллипсы (*Je (E) ako paprika. E = červený*), апозиопезисы (*Nuž, neprišli sme...*), анаколуфы (*Chlapci, keď skončili školu, prišlo im rukovať*. Правильно: *Keď chlapci skončili školu, museli rukovať*), зевмы (*Polieval a staral sa o kvety*. Без зевгмы: *Polieval kvety a staral sa o kvety/ne*), контаминации (*jablko úrazu* из фразем *jablko sváru* и *kameň úrazu*); субъективный порядок слов (*Nové šaty (ядро) som si kúpila!*), инверсии порядка слов (*Lud náš obecný*); навязывание посредством универсального относительного *čo*, напр. *Viem, čo sa deje; Odvtedy, čo prišiel, sa všetko zmenilo*. При навязывании наиболее часто используются союзы *a*, *tak*, напр. *Bolo zamračené a fúkal studený vietor; Je mi tu chladno, tak idem domov*; иногда также в полисинтетической форме, напр. *Ku skúške si prineste výkaz o štúdiu a psací potreby a papuče a desiatu i pitie a nenoste si elektroniku*.

В общем, обычно встречается бессоюзная связь, отношения между синтаксическими единицами не выражены явно (эксплицитно), напр. *Taxík zastal, Anna zaplatila*. Модальность разнообразна. Часто встречаются высказывания с вопросительной или восклицательной интонацией. Речь идёт об интересном сочетании экономии выразительных средств (эллиптичность, фрагментарность, напр. [*Prosím si*] *Dve kávy!*; [*Idete*] *Na prechádzku?*) с плеонастичностью, избыточностью (повторение, напр. *A to bolo proste úplne, úplne neporovnateľné*; интенсификация, напр. *A: Platí toto Vaše slovo. B: Áno, samozrejme, samozrejme*). Из преобладающей диалогичности вытекает высокая частотность контактных средств (обращения, напр. *Tonko máš slovo*; приветствия, напр. *Dobrý deň; Čau; Ahoj*; обращение на ты/ обращение на вы, напр. *Marek, prosím Ťa.../ Marek, prosím Vás...*; императив, напр. *Dobre tak pod'me do diskusie ...*; инклюзивное множественное число, напр. *Všimnime si, že...; Pokúsme sa ...; Venujme sa ...; Ukážme si ...*; этический дательный, напр. *A on mi ti zrazu zrýchli a zahne za roh. Bol vám z toho celý nesvoj*; и т. д.), а также явления, исследуемые анализом диалогов, такие как перебивания или исправления (включая самокоррекцию, напр. *Je to veľmi príjemný spoločník na veľmi dlhé jesenné večere alebo večery*), ректификации, напр. *No ja som išiel so svojou hudbou von, teda de facto povedané s kožou na trh, a tiež som nevedel, čo môžem od toho čakať, alebo teda čo môžem čakať od publika*; корректуры, напр. *Pozvanie do štúdia TA3 prijala predsedníčka Slovenského syndikátu novinárov Zuzana Krá, Krútká, prepačte*. Диалогичность иногда пробивается за счёт когезии текста, построение

текста свободное, несвязное.

Синтаксическое и текстовое членение повседневных коммуникантов является большей частью недостаточным и неопределённым. Единицей разговорного синтаксиса, безусловно, не является «предложение». В этом плане мы не можем исходить из способа членения, обычного в письменной речи. Между синтаксическими единицами здесь нет чётких и однозначных границ. Основной единицей построения диалога является реплика. Однако, её синтаксическое (и содержательно-прагматическое) содержание может быть другое. Я. Земан [14] основной единицей считает коммуникационный акт (вербальный и невербальный сегмент с интерактивной функцией, которая обеспечивает для партнёра определённый коммуникационный эффект, такой как выполнение просьбы и т. п.) Таким образом, реплика / речь может состоять из большего количества речевых / коммуникационных актов как содержательно-прагматических единиц.

Повседневному общению словацких респондентов также принадлежит значительная неопределённость и её универсальные выразительные показатели, которые в устной речи плотно распределены по всей «площади» текста. К ним, в частности, относятся выражения *dáku, dáko, tak dáko; taký, taký dáku, taký ten, takého niečo; a tak, alebo tak, tak niečo, tak ako, taký ako, tak dáko ako* и др. Их частым компонентом является словечко *ten*, которое больше не является средством указания, ссылки, определения, но переходит в группу выражений, полностью семантически опустошённых (аналогично избыточному *ono*). Распространено также выражение *trebárs* (когда приводятся примеры, формулируются предположения, оценки, напр. *Môžeme ísť **trebárs** hneď; Môžeš hľadať **trebárs** do rána; Všimnite si **trebárs** to, ako **bývate***). Обильное *ja neviem* по большей части не значит, что говорящий что-то не знает, но выражает в широком смысле слова нерешительность, беспомощность, растерянность, безвольность, напр. ***Ja neviem** čím to je, ale vždy keď sme na dovolenke ...; **Tak ja neviem, ale práve takéto malé auto by som povedal, že má väčší zmysel** ...*

Из неподготовленной устной речи нам хорошо знакомы и различные слова-паразиты («пэды» или «вкладыши») – излишние заполняющие слова, которые помогают теряющемуся говорящему с проблемами формулировки (*vlastne, proste, normálne, akoby, akože*, напр. *Dvaja priatelia, **vlastne** známi ... ; ÁNO: **proste** keď si zoberiete, že napríklad aj pán predseda ...*). Присутствие «пэдов» или «вкладышей» также зависит от времени. Есть также «модные» слова-паразиты, такие как, например, *v podstate, vo svojej podstate*, напр. *Je to, **v podstate**, dobrý človek; Obedové menučka @slavia.kosice sú klasické, **vo svojej podstate** jednoduché, no pripravené majstrovsky*. Выражением потерянности в формулировках также является хезитация типа *hmmm, ehm*. В текстах неподготовленной устной речи нередко встречаются даже целые сети, скопления неопределённых и смыслово опустошённых выражений: ***Teda ja, teda, že, aby som tak povedal, to, myslím, viete, ja myslím teda, že by sa o tom ako malo ako tento, uvažovať; Ale ono trebárs ja neviem máte tam nablízku dáku krčmu?*** и др.

Заклучение.

По нашему мнению, цели коммуникативной сферы повседневного неофициального общения и средства выражения имеют в значительной степени вневременную ценность и в будущем не будут сильно изменяться. Тем не менее, динамическое развитие, несомненно, продолжится с развитием технических возможностей, которые всё ещё расширяют эту сферу. Это обязательно влечёт за собой следствие того, что стиль повседневного общения (непреднамеренно или посредством преднамеренной стилизации) проникает и все больше будет проникать в другие сферы общения, т. е. не только в художественную литературу, но также и в журналистику, рекламу, в профессиональную, школьную, религиозную коммуникацию, и, возможно, также в официально-деловую. Этим также расширяется реестр «нелитературных ситуаций». Во всех этих сферах мы в настоящее время наблюдаем проявления разговорной речи и коллоквиализации.

References:

1. Austin, J. L. Jak udělat něco slovy / J. L. Austin – Praha: Filozofia, 2000. – 176 s.
2. Hoffmannová, J. Každodenní mluvené dialogy / J. Hoffmannová // Stylistika mluvené a psané češtiny, 2016. – Praha, Academia, S. 30-78.
3. Homoláč, J. – Mrázková, K. K stylistickému hodnocení jazykových prostředků, zvláště lexikálních / J. Homoláč – K. Mrázková // Slovo a slovesnost, 2014. – S. 3-38.
4. Kalechyts, A. „Problemnye“ teksty na zanyatyach po inostrannomu yazyku / A. Kalechyts // Język rosyjski w przestrzeni komunikacyjnej, 2016. – Lublin: Polihymnia, S. 59-67.
5. Kováčová, Z. Rekonštrukcia syntaktickej štruktúry vety ako predpoklad porozumenia textu / Z. Kováčová // Slavica Nitriensia, 2018. – № 1 – S. 15-29.
6. Mareš, P. Spisovnost a nespisovnost, formálnost a neformálnost / P. Mareš // J. Hasil (ed.) Přednášky z XLVI. běhu Letní školy slovanských studií, 2003. – Praha: Filozofická fakulta Univerzity Karlovy – S. 99-108.
7. Mistrík, J. Štylistika. 3., upravené. vyd. / J. Mistrík. – Bratislava: Media Trade – Slovenské pedagogické nakladateľstvo, 1997. – 600 s.
8. Müllerová, O. Mluvený text a jeho syntaktická výstavba / O. Müllerová. – Praha: Academia, 1994. – 145 s.
9. Slezáková, M. Wow! To `sem teda nečekala! Oops! To `sem nechtěla! O cizích slovech, ale nejen o nich / M. Slezáková // Naše řeč, 2006. – S. 57-72.
10. Sokolová, J. Egocentriká – výrazy so sémanticko-pragmatickou orientáciou na hovoriaceho / J. Sokolová // Slovenská reč, 2019. – № 1 – S. 10-25.
11. Sokolova, J. Konstruccii social'noi samoidentifikacii i samoprezentacii govoryashego. Oчерki ob egocentricheskikh sredstvach slovackogo yazyka. Mauritius: Palmarium Academic Publishing, 2019. – 130 s.
12. Trost, P. Formální a neformální řeč / P. Trost // Studie o jazycích a literatuře. Sestavil J. Povejšil. – Praha: Torst, 1995 [1981]. – S. 314-316.
13. Wittgenstein, L. Filosofická zkoumání / L. Wittgenstein – Praha : Filozofický ústav AV ČR, 1993. – 294 s.
14. Zeman, J. Základní konverzační situace v češtině / J. Zeman // O. Uličný – S. Schneiderová

(eds.), *Studie k moderní mluvnici češtiny 2., Komunikační situace a styl*, 2013. – Olomouc: Univerzita Palackého v Olomouci – S. 25-51.

Information about the author:

Jan Gallo (Nitra, Slovak republic) – *PhD., Associate Professor of the Department of Russian Studies, Constantine the Philosopher University in Nitra, 126 published articles. ORCID ID: 0000-0001-7113-9235; WOS Researcher ID: AAG-5493-2020. E-mail: jgallo@ukf.sk*

Acknowledgements:

*The article is based on the VEGA 1/0067/19 research grant project Language Reflections of Social Egopresentation and Addressing (Jazykové reflexie sociálnej egoprezentácie a adresácie).
Статья была составлена в рамках грантового проекта ВЕГА 1/0067/19 Языковые рефлексии социальной эгопрезентации и адресации = Jazykové reflexie sociálnej egoprezentácie a adresácie.*

Contribution of the author. *The author contributed equality to the present research.*